

Лаосань, погружённый в мысли о заразной болезни, беспокоился только о своём здоровье. Услышав, что А-Да всё ещё переживает за свой лес, огород и водопад, он с пренебрежением сказал:

— Разве яд убьёт твои драгоценные помидоры? Немного яда не повредит, это лучше, чем полностью менять кровь.

— В окружающей среде не только люди, животные и растения, но и множество микроорганизмов. Яд убьёт много микроорганизмов. Мы не можем думать только о себе.

Эти слова А-Да ещё больше разозлили Лаосаня.

— Ах, ты такой великий. Самое важное — это жить, я же умираю, мне не до этих бактерий, спор, змей и насекомых.

Он думал, что А-Да начнёт говорить о равенстве видов, сосуществовании человека и природы, но тот просто утешил:

— Не бойся, ты не умрёшь.

Лаосань удивился, но увидел, что А-Да уже принёс ему тонкое одеяло и велел спать. Лаосань почувствовал некоторый стыд. Для него не только невидимые микроорганизмы, но даже если бы весь лес Сингапура выкорчевали, это было бы неважно. Но он не должен был показывать свою слабость и страх перед А-Да.

А-Да потрогал его лоб.

— Всё ещё горячий. Если будет нехорошо, позови меня.

Лаосань кивнул. А-Да выключил свет, отодвинул свою подушку на полметра и лёг.

В темноте Лаосань слышал дыхание А-Да — лёгкое и ритмичное, непонятно, спит он или нет. Он не привык спать рядом с кем-то, в голове были только дыхание А-Да, его лицо, его слова, его движения...

Тело Лаосани было тёплым — и от температуры, и от навязчивых мыслей об А-Да. Он чувствовал себя очень некомфортно, почти не мог удержаться, чтобы не встать и не вернуться в свою комнату без А-Да — или выгнать его.

Но у него не было сил. Возможно, подействовало лекарство от простуды, тело стало тяжёлым, а голова мутной. Дыхание А-Да и нажатия педали швейной машинки слились воедино, ритмично заполняя все его мысли.

Он погрузился в абсолютную тьму, где всё исчезло.

Следующие два дня Лаосань провёл на матрасе, то весь в жару, то весь в поту.

Он редко болел, но если заболел, то сильно. Однако с тех пор, как А-Да сказал ему «Не бойся», его страх перед заразной болезнью странным образом исчез. Тело страдало, но в душе было спокойно. Эта старая комната давала ощущение безопасности и надёжности. Когда он был в сознании, от скуки он неосознанно нажимал педаль швейной машинки, слушая лёгкий звук вращения железного вала, как будто время больше не шло вперёд. В полубреду он видел маленького мальчика, который прятался в углу и рисовал робота карандашом. Он звал его:

«Эй», но мальчик никогда не отвечал.

На третий день температура Лаосани спала, на его конечностях не появилось красных пятен, и других симптомов костоломной лихорадки не было. Лаосань полностью пришёл в себя, открыл занавеску и увидел, как солнце экватора ярко освещает всё вокруг. Он почувствовал себя заново рождённым.

Его тело всё ещё было слабым, но желудок уже требовал еды. Он медленно вышел в гостиную и крикнул:

— А-Да!

А-Да ответил из кухни:

— Эй.

Через некоторое время А-Да приготовил ему завтрак. В последние дни он ел только легко усваиваемую лапшу, варёные яйца и кашу с фаршем, всё белое и безвкусное, от чего во рту уже стало сухо. Но этот завтрак отличался от предыдущих — это был не купленный в магазине нарезанный хлеб.

А-Да принёс квадратные булочки и арахисовое масло, а для Лаосани отдельно сделал сок из фруктов и овощей. Увидев, что еда наконец-то имеет цвет, Лаосань разыграл аппетит.

Булочка разломилась, и поднялся пар с ароматом злаков. Когда он откусил, булочка оказалась невероятно мягкой, с приятной жевательной текстурой, но после нескольких жеваний таяла на языке, оставляя чистый и лёгкий вкус, с едва уловимой сладостью. Это был совсем не такой хлеб, как тот, что Лаосань ел раньше, совсем без привкуса дыма.

— Этот хлеб такой мягкий, он не из пшеничной муки?

— Мука смешана с рисовой, и сделана на соевом молоке, выпекалась в духовке с горячей водой.

Лаосань похвалил:

— Шеф-повар, я не знал, что ты так хорошо готовишь мучные изделия.

— Когда только открывали "Сапфир", на кухне было всего несколько человек, и хлеб мы делали сами. Азиаты любят мягкий и горячий хлеб, поэтому мы делали такие булочки, которые сохраняли тепло и не были слишком сухими. Потом перестали... — тут А-Да понял, что сказал слишком много.

Он редко говорил о "Сапфире", не знал, почему вдруг вспомнил о тех временах с таким посторонним человеком, как Лаосань. Он быстро сменил тему:

— Ты только что поправился, эта еда легко усваивается.

Но Лаосань уже заинтересовался.

— А-Да, приготовь мне настоящий французский обед.

А-Да помолчал, затем серьёзно посмотрел на Лаосани:

— Когда ты собираешься уезжать?

— Уезжать? — Лаосань поднял брови. — Я не уезжаю.

А-Да посоветовал:

— Тебе здесь не место. Если хочешь развлечься, можешь поехать в национальный парк Малайзии, там тебя проведут по горам и рекам, есть красивые отели. Здесь тебе некомфортно есть и спать, нужно много работать, рядом нет больниц и кофеен, не говоря уже о французских ресторанах, даже ресторанов с кондиционерами мало. Зачем тебе так мучиться? Я не уеду отсюда, тебе здесь делать нечего.

Лаосань решил упереться.

— Я только что выздоровел, а ты уже выгоняешь?

— Я не выгоняю, просто хочу, чтобы ты подумал.

— Если не выгоняешь, то всё в порядке, — Лаосань подумал и добавил:

— Я подумаю.

На этом А-Да решил не продолжать. Он был уверен, что Лаосань, избалованный и измученный сильной простудой, уже давно хотел уехать. Он высказал своё мнение, чтобы дать Лаосаню возможность уйти легко.

Но он не знал, что мысли Лаосани были гораздо сложнее и реалистичнее, чем он предполагал.

Лаосань не выносил это место с первого дня, и даже лёжа с температурой на матрасе, часто думал о том, чтобы уехать. Если бы он захотел, мог бы просто позвонить, и за ним бы приехали, отвезли в городской отель или частную больницу, где три-четыре человека ухаживали бы за ним, готовили вкусную и питательную еду по его желанию, и он мог бы смотреть на большой 60-дюймовый телевизор, а не на швейную машинку...

Но он так и не сделал этого. Самое тяжёлое время он уже пережил — когда Ли Шинань сбежал, и началась простуда. По мере того, как болезнь отступала, его мысли становились всё яснее.

Он не мог уехать, иначе всё было бы кончено. Хотя ставить на А-Да было рискованно, но у него не было других вариантов.

Следующие два дня Лаосань постепенно выздоравливал, питаясь и отдыхая. Когда он смог ходить без труда, то вернулся в свою комнату.

В этот день А-Да, как обычно, встал в четыре тридцать, умылся и начал готовить завтрак. Он думал, что Лаосань, отдохнув несколько дней и уже способный бегать и прыгать, скоро уедет.

Он подошёл к двери комнаты Лаосани и обнаружил, что занавеска поднята. Заглянув внутрь, он увидел, что Лаосаня нет, а чемодан, обычно лежащий на полу, исчез.

Неужели Лаосань уехал, даже не попрощавшись? А-Да смотрел на пустую кровать, долго не мог прийти в себя, затем подумал, что, возможно, так даже лучше. Он не знал, как попрощаться с Лаосанем. Хотя они спали рядом несколько дней и часто шутили, они на самом деле не были близки, не делились сокровенным, не говорили о своих делах. Это было как

встретить заблудившегося человека, пройти с ним часть пути, а потом проснуться и увидеть, что тот уже вернулся на свою дорогу.

Это было естественно.

А-Да опустил занавеску, постарался прогнать все мысли и начал свой рабочий день.

Он подошёл к курятнику, чтобы покормить кур, и обнаружил, что кормушки и поилки полны. Пол был явно подметён, куриный помёт и листья убраны дочи́ста.

Лаосань выглянул из-за большого баньяна и поздоровался:

— Доброе утро, босс!

<http://bllate.org/book/16329/1473839>